

Alicja Wołodźko-Butkiewicz
Uniwersytet Warszawski

ПОЛЬША В ВОСПРИЯТИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 60-ЫХ ГОДОВ. ПОЛЬСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ РУССКОГО ШЕСТИДЕСЯТНИЧЕСТВА

Русские шестидесятники XX века, выдвинувшие во время «оттепели» лозунги искренности, расчета со сталинским прошлым, освобождения искусства от догм, сковывающих творческую индивидуальность, внимательно следили за тем, что происходит в Польше. На рубеже 50-х и 60-х годов она была, согласно более позднему шутливому определению, «самым веселым баракком социалистического лагеря». Поляки воспринимались русскими как неисправимые бунтари, — ведь в 1956 году они открыто высказали свое отношение к ненавистному, принесенному на штыках и ими же поддерживаемому режиму. Историк Александр Орехов опубликовал извлеченные недавно из архивов записи бесед делегации Президиума ЦК КПСС и членов политбюро ЦК ПОРП, состоявшихся в Варшаве 19 октября 1956 года. Прилетел тогда в нашу столицу Никита Хрущев, возмущенный польской строптивостью, а когда в Бельведере велись переговоры с советской делегацией, на Варшаву двинулась дислоцированная в Польше советская бронетанковая дивизия. Однако польская сторона во главе с Владиславом Гомулкой оказала настолько сильный отпор, что маршалу Коневу был дан приказ остановить этот марш. Таким образом, впервые после II мировой войны советское правительство отказалось от вмешательства во внутренние дела страны, которая попала в сферу его влияния десять лет раньше¹. Это был «польский октябрь» — так это переломное время стали у нас называть.

Правда, протест познаньских рабочих закончился поражением, но привлек (как и венгерские события) внимание всей Европы. Советская интеллигенция, связывавшая после XX съезда КПСС надежды с новым

---

¹ А.М. Орехов: *Беседы под сводами Бельведера (встреча советских и польских руководителей в Варшаве 19 октября 1956)*. «Славянский альманах 2007». Москва: Индрик 2008, с. 460–509.

генсеком, который как ни как, но разоблачил преступления Сталина, была очень заинтересована драматическими событиями, происходившими в нашей стране.

В Польше до известного доклада Хрущева на XX съезде партии *О культуре личности и его последствиях* наблюдались явления, свидетельствующие о протесте писателей против ограничения творческой свободы, например, выступления писателей на IX сессии Совета культуры в апреле 1954, доклады Леона Кручковского и Казимежа Брандыса на VI съезде Союза польских писателей в июле 1954 года. Символическое значение приобрела (после наступившей в Москве смерти Бронислава Берута) публикация *Поэмы для взрослых* Адама Важика, где содержалась, по словам Виктора Хорева,

[...] резкая критика казенного пропагандистского оптимизма и фальши официозной литературы, на высокой эмоциональной ноте выражалось сочувствие угнетенным серыми буднями женщинам, обездоленным детям, измученным рабочим².

Добавлю, что были протесты и против монументальной, помпезной архитектуры в стиле «сталинского вампира».

Domy się puszą jak kobry
place się pysznią jak pawie
dajcie mi stary kamyczek
niech się odnajdę w Warszawie

— иронизировал поэт.

В журнале „Przegląd Kulturalny” поэт Антони Слонимски, кстати, родственник русского писателя Михаила Слонимского, который в то время был председателем Союза польских литераторов (время его оказалось кратким из-за чрезмерного непослушания), опубликовал статью *O przywrócenie swobód obywatelskich*, призывающую к демократизации общественной жизни. Слонимски обвинял доктрину соцреализма в разрушении литературы и искусства. Отметил, что XX съезд КПСС содействовал очищению затхлой духовной атмосферы, однако литературе дал немного:

Widziano tam zbawienie literatury w decentralizacji i wysyłaniu pisarzy w teren. Chętnie bym wysłał paru naszych pisarzy do wszystkich diabłów, ale nie sądzę, aby z tej wędrówki po piekle przynieśli tercyny Danta³.

² В. Хорев: *Польская литература XX века. 1890–1990*. Москва: Индрик 2009, с. 138.

³ „Przegląd Kulturalny” № 14, 5–11 kwietnia 1956, с. 3.

В Польше — параллельно русским шестидесятникам (называемым также четвертым поколением) — возникло и стало говорить собственным голосом поэтическое поколение 56 или иначе — «одвильжовцы».

Русская интеллигенция была тогда Польшей очарована, что проявлялось на разных уровнях. Будучи с 1959 по 1962 студенткой филфака МГУ, я прекрасно помню этот феномен. Покупались охотно по невероятно дешевой цене польские книги и журналы в московском книжном магазине «Дружба» (такие как «Пшекруй», «Кино», «Пшияциулка»), вызывала интерес школа польского кино (особенно *Пепел и алмаз* Вайды по роману Ежи Анджеевского, поставленный в 1958 году), изучался польский язык, так как он давал возможность читать западную литературу и получать политическую информацию, запрещенную в СССР. Из Польши привозили нелегальную тогда в Советском Союзе Библию (она продавалась на русском языке в варшавском книжном магазине на улице Новы Свят). Много лет спустя Наум Коржавин запишет в своих мемуарах:

[...] русские интеллигенты в те годы использовали польскую партийную прессу как источник информации о том, что происходит в мире и в мировой культуре. Она писала об этом намного больше и гораздо менее инфантильно, чем была вынуждена писать наша. Знание польского языка было тогда большим преимуществом, оно открывало доступ к информации. Но в это время наиболее ценной была для нас информация о самой Польше. Там происходила революция — только пока в пользу выпущенного из тюрьмы Гомулки, а не против него⁴.

Русская интеллигенция 60-х гг. интересовалась также польской историей, конфессией, сакральной архитектурой. Личные контакты с поляками помогали эти знания расширить. Должно быть, Польша была тогда для русских интеллигентов своеобразным сурогатом Запада (как и прибалтийские республики), хотя и соцстраной, но все же не до конца советизированной, с другим менталитетом, остроумием, не запуганностью. Контакты развивались прежде всего в молодежной, студенческой среде: так, юный Бродский посвящал произведения своей музе — студентке-польке по имени Зофия (которая сейчас профессор-пенсционер Силезского университета), а Андрей Вознесенский — красивой и влиятельной польской критикессе Алиции Лисецкой («выросла девочка-полька, проволоки гетто лоб ее терзали» и т.д.). Если мне память не изменяет, Наталья Иванова училась в МГУ в то же время, что и Данута Вавилов, впоследствии известная в Польше детская поэтесса и переводчица русской литературы, главным образом поэзии. Думаю, что и популярность поселившейся в СССР польской

⁴ Н. Коржавин: *В соблазнах кровавой эпохи*. Кн. 2. Москва: Захаров 2009, с. 718.

студентки Эдиты Пъехи тоже росла под влиянием русского полонофильства той эпохи. Многие русские считали престижным отыскивать в своих родословных польские корни — и радовались этому. Бабушка-полька Марины Цветаевой, свидетельство рождения Мандельштама, найденное в Варшаве, польские воспоминания Константина Паустовского (правда, написанные раньше) — все это было сигналом, знаком кровного родства с Польшей и польской культурой.

Многие шестидесятники в своих мемуарных записях, как, например, Анатолий Найман⁵, отмечают своеобразную идеализацию нашей страны русскими интеллигентами. «Любовь к Польше — неизбежность для русского интеллигента», — писал Давид Самойлов⁶. «Польское окно в Европу было одновременно окном в свободу», — скажет Британишский⁷. Литературоведы также не проходят мимо этого явления. Виктор Хорев отмечает:

Немалая часть русской интеллигенции в 60–70-ые годы XX столетия восхищалась демократизмом польской общественной жизни по сравнению с Советским Союзом. Это был пик популярности в России не только польской поэзии, но и польского кино, театра, живописи, когда польское слово, польская культурная жизнь являлись для русских шестидесятников живительным плотком свободы [...]⁸.

Владимир Британишский — с конца 50-тых переводчик и популяризатор польской поэзии в России, женатый на поэтессе Наталье Астафьевой, по происхождению польке, — вспоминает, что на первой встрече с Борисом Слуцким, которая произошла в 1956 году, поэт прочитал ему тогда свое знаменитое стихотворение (которое почти 30 лет спустя кто-то прочтет над его гробом):

Покуда над стихами плачут,
Пока в газетах их порочат,
Пока их в дальний ящик прячут,
Покуда в лагеря их прочат, —
До той поры не оскудело,
Не отзвенело наше дело.
Оно, как Польша, не згинело,

⁵ А. Найман: *Признание в любви сорок лет спустя*. «Неприкосновенный запас» 1998, № 1.

⁶ Д. Самойлов: *Перебирая наши даты*. Москва: Вагриус 2000, с. 277.

⁷ Цит. по: *Миф Европы в литературе и культуре Польши и России*. Ред. М.В. Лескин, В.А. Хорев. Москва: Индрик 2004, с. 40.

⁸ Цитирую по: *Mемуарystyka rosyjska i jej konteksty kulturowe*. Ред. А. Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz. «Studia Rossica» XX. Т. 2. Warszawa: Изд. Варшавского ун-та 2010, s. 314.

Хоть выдержало три раздела.
Для тех, кто до сравнений лаком,
Я точности не знаю большей,
Чем русский стих сравнить с поляком,
Поэзию родную — с Польшей.

Это стихотворение Слуцкий посвятил Владиславу Броневскому — одному из лучших польских поэтов XX века, пережившему трагический опыт советской тюрьмы и ссылки. Напомню, что с 1954 по 1959 год Давид Самойлов работал над поэмой *Ближние страны*, где речь шла о варшавском восстании — это было первое произведение русского автора, затрагивающее столь трагическую для поляков тему, причем преисполненное раскаяния и восхищения перед отвагой польских безумцев — «мы стояли на том берегу...».

Упомянутый Владимир Британишский опишет затем в книге воспоминаний *Поэзия и Польша. Путешествие длиной полжизни*⁹ свои польские, весьма близкие и долгие, связи с поэтами Польши, которые завязались в начале 60-х и продолжаются по сегодняшний день. Именно в 60-е его встречи с поляками, причем более частые в нашей стране, чем в России, были особенно интенсивны. Он заводил с польскими поэтами и переводчиками близкие знакомства, обменивался книгами и мнениями, брал у них стихи для перевода. Упомянутая книга Британишского — бесценный источник для исследований польско-русских культурных связей за последнее полвека.

Польским соответствием этой публикации можно, без сомнения, считать книгу воспоминаний Виктории и Рене Сливовских *Rosja — nasza miłość*¹⁰. Опубликованная в 2008 году, она возвращает нас к 50-м и 60-м годам минувшего века, когда авторы учились в Ленинградском университете, а потом — почти всю свою жизнь, то есть по сегодняшний день — поддерживали дружеские связи с учеными, в основном историками и литературоведами России, а также с литературной интеллигентской средой. В списке их друзей есть имена знаковых фигур русской науки и культуры, такие, как Юлиан Оксман, Натан Эйдельман, Юрий Лотман, Борис Егоров, Станислав Рассадин, Юрий Давыдов, Аркадий Белинков (последний смог сбежать из СССР, получив приглашение от польской знакомой, которая в 60-е гг. искала в России следы мало кому известного тогда Михаила Булгакова).

Шестидесятые были в России периодом расцвета поэтических переводов с польского. Переводили талантливейшие поэты — Борис

⁹ Москва: Аграф 2007.

¹⁰ Warszawa: Iskry 2008.

Слуцкий, Давид Самойлов, Иосиф Бродский, Леонид Мартынов, Мария Петровых, Михаил Светлов. Сформировалась школа превосходных переводчиков — среди них уже упомянутые ранее Астафьева и Британишский, а также Асар Эппель, Ксения Старосельская, Анатолий Гелескул, Юрий Чайников. Особенной любовью пользовался тогда в России польский поэт Константы Ильдефонс Галчински. Самойлов посвятил ему стихотворение *Соловьи Ильдефонса Константы*, Бродский великолепно перевел *Заговоренные дрожки*. Уже после 90-х в обеих странах выйдет из печати ряд антологий, представляющих польскую поэзию в России и русскую в Польше этого периода. Их образам и мотивам, таким как «гордая полячка», Шопен, дружба (или вражда) народов и отдельных людей, Пушкина с Мицкевичем, польская спесь, польский гонор, польско-русское братство по оружию (согласно песне на слова поэта Евгения Винокурова «В полях за Вислой сонной...»), описанию пейзажей и городов будут посвящены многочисленные критические статьи и научные исследования. Однако следует сказать, что в России 60-х–70-х канон польской литературы был значительно более скромным, чем в Польше канон русской литературы. Многие польские писатели, прежде всего эмигранты, диссиденты, и, как правило, те, кто был далек от метода соцреализма, фигурировали в черных списках. Чеслав Милош, Станислав Виткевич, Витольд Гомбрович, Славомир Мрожек, Вислава Шимборска — все они долго еще, вплоть до 90-х годов — будут неизвестны русским читателям.

А как обстояло дело в Польше?

Интерес поляков в 60-е годы к России был, несомненно, меньше, чем тогдашний интерес русских интеллигентов к Польше. Он проявлялся прежде всего в быстром реагировании на появление новых произведений искусства, прежде всего литературных. Они немедленно переводились на польский язык, издавались высокими тиражами, о них писала критика, но на них также быстро реагировали и бдительные чиновники от идеологии. Характерной иллюстрацией этого является история журнала «Opinie», основанного в 1957 году Северином Поляком — критиком и поэтом, который еще в довоенные годы переводил русскую поэзию (в частности Пастернака); вышли только два номера и журнал был закрыт. Причина ясна — журнал опубликовал отрывки из романа Пастернака *Доктор Живаго*, рукопись которого литературный критик и переводчик Земовит Федецкий получил непосредственно от поэта, с которым подружился, работая после войны в польском посольстве в Москве. Таким образом, польский (впрочем, не очень удачный) перевод романа Пастернака был его мировой премьерой.

О восприятии русской литературы в период «оттепели» написано у нас бесконечное количество статей, а даже две монографии¹¹. К сожалению, чем моложе поколение исследователей этого феномена, тем охотнее вместо старой оно создает новую мифологию — так, например, из работы Моники Вуйцяк следует, что польские переводчики героически переводили и популяризовали только запретную в тоталитарном государстве литературу, однако я как свидетельница той эпохи вынуждена сказать, что этот образ односторонен, картина выглядела не совсем так. Дело в том, что у нас было действительно посвободнее — цензура разрешала публикацию многих текстов, не разрешенных в России; они появлялись в государственных издательствах, а еще чаще в официально издаваемых журналах. Если не реагировало советское посольство (что неоднократно случалось), сомнительные в идеологическом отношении авторы и их произведения имели шанс на публикацию. Так, подготовленный Северином Полляком сборник поэзии Пастернака вышел в Варшаве в 1962 году; в этом же году Полляк выпустил книгу эссе о русской литературе *Путешествия за три моря*, где рассказывал не только об «измах — схизмах», то есть о русских модернистских течениях начала XX века, но и о новейшей русской поэзии, в частности об Иосифе Бродском. Будущий нобелевский лауреат действительно был известен в кругу польской интеллигенции начала 60-х, о нем рассказывали (а иногда и печатали его произведения) критики и переводчики — Виктор Ворошильски, Земовит Федеcki, Анджей Дравич. Известный литературовед Рышард Пшибыльски, восхищенный Мандельштамом, дружил и переписывался с его вдовой. Впрочем, таких популяризаторов русской литературы было тогда больше, еще тех, кто был ровесником XX века. Особенно выделялись поэты Влодзимеж Слободник и Адам Галис (написавший документальное исследование о 18 днях проведенных Александром Блоком в Варшаве), а также Леопольд Левин. Они ездили часто в Россию, навещали запрещенных, писавших в стол литераторов, привозили их рукописи. В 1964 году упомянутый уже мною Северин Полляк выпустил в т.н. «целлофановой серии» издательства PIW сборник поэзии Анны Ахматовой. Когда поэтесса возвращалась из Италии, где ей вручили премию Таормина, на Гданьском вокзале ее приветствовала делегация литераторов (в том числе Ежи Путрамент — тогда председатель Союза Польских Писателей), а также Северин Полляк, Земовит Федеcki и редактор книги Зигмунт Брауде (который в 1968 покинет Польшу после постыдной антисемитской кампании).

¹¹ E. Tyszkowska-Kasprzak: *Rosyjska poezja pokolenia odwilżowego w Polsce*. Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego 1997; M. Wójciak: *Enklawy wolności. Literatura rosyjska w Polsce 1956–1989*. Kraków: Universitas 2010.

Русских писателей периода оттепели переводили у нас практически без препятствий. Роман Ильи Эренбурга *Оттепель*, давший название целому периоду, впрочем, скоро забытый, появился в польском переводе в 1955–1956 годы. Следует отметить, что Эренбург еще в довоенной Польше был читаем и любим, приезжал к нам, публиковался, дружил с Юлианом Тувимом. В 1957 году вышла у нас *Бурная жизнь Лазика Ройтиванеца*¹², в Советском Союзе тогда непечатная (не вошла даже в 8-томное издание сочинений Эренбурга). Подобных явлений было немало. Так, например, публиковался у нас в конце 50-х Исаак Бабель (в прекрасном переводе Ежи Помяновского), в середине 60-х Платонов (в том числе *Епифансике шлюзы* и *Город Градов*), которого популяризовал Рене Сливовский, друживший с вдовой и с дочерью писателя. Польские русисты уже в 60-е годы приступали к анализу творчества писателей, забытых тогда в советской России — Бабея, Замятина, Платонова, обэриутов.

Публиковалась в Польше поэзия и проза русских шестидесятников. В 1962 году Алиция Лисецка выпустила маленький томик поэзии Андрея Вознесенского *Парабола* (изд. Iskry), вскоре в той же серии появился сборник стихотворений Евгения Евтушенко и только в 1969 — *Струна* Беллы Ахмадуллины. Но их стихи печатались раньше в литературных журналах. Громкий резонанс вызвала публикация стихотворений Евтушенко *Наследники Сталина* (1962) и *Бабий яр* — только в 90-ые годы Станислав Баранчак назовет этого поэта (по его собственному определению «шестидесятника») «заводным соловьем». Невероятно популярна была авторская песня, привозимая студентами на кассетах — прежде всего Окуджава, в значительно меньшей степени Александр Галич, но слушали также Юлия Кима, Александра Городницкого, Михаила Анчарова, Новеллу Матвееву. Начиная с 1962 года, выходили у нас романы Василия Аксенова (*Коллеги*, *Звездный билет*) и его новеллистика (*Жаль, что вас не было с нами*, *На полпути к луне*). В этом же 1962 году двадцатилетняя тогда Данута Вавилов вместе с прозаиком Юзефом Ратайчаком перевела повести Гладилина *Бригантина подымает паруса* и *Дым в глаза*. Повесть Балтера *До свидания мальчишка* имела два издания (1963, 1965). Так называемая «лейтенантская проза» (Бакланов, Бондарев, Окуджава), деревенская проза (Белов, Абрамов, Можжев), Владимир Максимов, Владимир Тендряков, Юрий Нагибин, Владимир Солоухин, Юрий Казаков, Виктор Конецкий — список переводимых тогда в Польше шестидесятников весьма внушителен. Кто-то

¹² В новом переводе — первый появился сразу после парижской публикации романа в 1928 году.

скажет, что все это публиковалось в принудительном порядке — правда, русская книга была нередко лишь символом русского присутствия в Польше. Однако интеллигенция наша ее читала, была заинтересована прежде всего новым молодым героем, его раскрепощенностью, бескомпромиссностью, честностью, что подтверждают различные эго-документы — дневники и воспоминания поляков об этой эпохе. *Один день Ивана Денисовича* и ранние рассказы писателя (среди них *Матренин двор*) также появились в нашей стране в 60-е годы, сразу после журнальных публикаций в России. О них писали, их рецензировали. Огромные заслуги в этой области имеет профессор Рене Сливовски; в 1967 издательство PIW выпустило его сборник статей, ранее публиковавшихся в журналах — *Dawni i nowi. Szkice o literaturze radzieckiej*. В нем были статьи об Андрее Платонове, Михаиле Зощенко, Евгении Шварце, а также о Владимире Тендрякове, Викторе Конечком, Юрии Казакове, Виталии Семине. В статье *Czwarte pokolenie* Рене Сливовски характеризовал шестидесятников, прежде всего Василия Аксенова, Георгия Владимова, Владимира Тендрякова, обсуждал также споры о молодой прозе в русской печати, которая, по его мнению, была не лишена схематизма в изображении героев. Оценки Сливовского отнюдь не устарели — они практически совпадают с мнениями исследователей прозы Аксенова наших дней¹³.

Огромное влияние на польскую интеллигенцию оказывал в 50–80-е годы минувшего века издаваемый в Париже журнал польской эмиграции «Культура». (Напомню, что его главный редактор Ежи Гедройц и другие сотрудники, такие, как художник Иозеф Чапски — друг Анны Ахматовой, посвятившей ему стихи из *Ташкентских тетрадей*, — вошли в редакционный комитет максимовского «Континента».) Благодаря парижской «Культуре» нелегально распространялась в Польше независимая мысль и литература. В 1958 году в Париже был опубликован польский перевод романа Пастернака *Доктор Живаго*, а год спустя — сатирические рассказы Терца (Синявского) и его же статья *Что такое социалистический реализм?* Польские писатели-интеллектуалы — Александр Ват, Густав Херлинг-Грудзински, Чеслав Милош, Ежи Помяновски (в настоящее время главный редактор журнала «Новая Польша»), подчеркивали значение русской свободной литературы для нашей страны. В сборнике эссе *Призраки революции* и в *Дневнике, который писался ночью* Густава Герлинга-Грудзинского, в опубликованной недавно публицистике и переписке Александра Вата, уехавшего

¹³ Например, с мнением Алексея Балакина, выраженном в статье *Обретение острова*, опубликованной в журнале «Новое литературное обозрение» 2009, № 99.

из Польши в 1959 году, русской культуре уделяется столько внимания, что уже посвящены этой теме многочисленные статьи¹⁴ и готовятся диссертации. Этот материал, несомненно, свидетельствует о внимании к русскому шестидесятичеству польских политических эмигрантов, весьма авторитетных для польской интеллигенции в стране.

Когда все это закончилось? Несомненно, заключительным и разрушительным аккордом (по крайней мере, для поляков) был 1968 год — вступление войск Варшавского договора в чешскую Прагу. 1970-тые годы — годы русского и польского самиздата — это уже другая эпоха. Рухнули надежды на демократизацию жизни, была ограничена свобода высказываний. Раньше дружившие шестидесятники разошлись и пошли каждый своим путем. Многие из них оказались в эмиграции. В Польше никто за публикации в эмигрантских журналах не пострадал столь жестоко, как в советской России, хотя тоже не одна судьба сломалась, особенно после 1968 года.

В интервью газете «Rzeczpospolita» (27 listopada 2004) Василий Аксенов — в связи с польской публикацией *Московской саги* — на вопрос журналиста, что он думает сегодня о шестидесятиках, назвал их первым поколением протеста, которое режиму, пытавшемуся превратить его в раба, сказало *нет*. Более жестко, но приблизительно то же самое пишет о шестидесятиках Станислав Рассадин; по его словам, хотя они и были «наивны до глуповатости», стали учить общество одному — не гнуться «вместе с линией партии», благодаря их позиции «литература отпала от власти»¹⁵. Полякам все это было близко...

Alicja Wołodźko-Butkiewicz

POLSKA W RECEPCJI INTELIGENCJI ROSYJSKIEJ LAT 60. XX WIEKU —
POLSKA RECEPCJA ROSYJSKICH „SZESTDIESIATNIKÓW”

Streszczenie

Artykuł prezentuje pozytywny obraz Polski w oczach Rosjan lat 60. minionego wieku a równocześnie życzliwe postrzeżenie fenomenu rosyjskich „szestdziesiątników” w ówczesnej Polsce i wyjaśnia historyczne uwarunkowania tego zjawiska, które szybko zaczęło gasnąć po wkroczeniu wojsk Układu Warszawskiego do Pragi czeskiej — opisywali je potem wielokrotnie w swych wspomnieniach świadkowie epoki, m.in. tłumacz polskiej poezji Władimir Britaniszski i poeta Naum Korżawin. Rosjanie — wśród nich wielu reprezentantów późniejszej elity intelektualnej (m.in. Andriej Wozniesiński, Borys Słucki, Dawid Samojłow, Josif Brodski, Anatolij Najman) byli zafascynowani polskim językiem,

¹⁴ См. например P. Fast: *Aleksander Wat o pisarzach rosyjskich. Pasternak i Erenburg. „Pamiętnik Literacki”* 2010, nr 3, s. 151–163.

¹⁵ С. Рассадин: *Книга прощаний*. Москва: Текст 2009, с. 398.

polską literaturą, historią, kościołem, prasą, kinematografią. W Polsce, w warunkach większej swobody intelektualnej, publikowano w latach 60. nie tylko utwory szestdziesiątników, ale i pisarzy w Rosji sowieckiej usuniętych z oficjalnego obiegu (jak np. Borys Pasternak) lub zepchniętych na jego margines (Izaak Babel, Andriej Płatonow), w Rosji jednak wielu polskich wybitnych twórców, zwłaszcza opozycyjnych wobec reżymu, pozostawało na indeksie. Lata 60. w naszym kraju to okres wybitnych dokonań znawców i popularyzatorów kultury rosyjskiej — poetów i krytyków literackich, tłumaczy, wykładowców akademickich (Seweryn Pollak, Włodzimierz Słobodnik, Ziemowit Feddecki, Jerzy Pomianowski, Andrzej Drawicz, René Śliwowski, Ryszard Przybylski). Autorka artykułu wskazuje, że dzisiejsi interpretatorzy polskiego i rosyjskiego „pokolenia odwilży” skłonni są tworzyć mit, zgodnie z którym Polska lat 60. minionego wieku była jakoby krajem w ogóle nie publikującym w oficjalnym obiegu utworów ocenianych na terenie Rosji — w rzeczywistości niektóre z nich ukazywały się, nawet wbrew interwencji ambasady sowieckiej.

Alicja Wołodźko-Butkiewicz

POLAND IN RECEPTION OF RUSSIAN INTELLIGENCE OF THE 1960s
— POLISH RECEPTION OF RUSSIAN “SHESTIDESATNIKI”

Summary

This paper presents positive image of Poland in the eyes of Russians of the 1960s and at the same time sympathetic reception of the phenomenon of Russian “shestidesatniki” in Poland of that time. It also explains historical circumstances of this phenomenon, that started to expire fast after entering Warsaw Pact’s army to Prague — later they were described many times in the witnesses memories of the epoch, among others, the translator of Polish poetry Vladimir Britanishski and the poet Nahum Korzhavin. Russians — among them many representatives of later intellectual elite (Andrei Voznesensky, Boris Slucky, David Samoylov, Joseph Brodsky, Anatoli Nayman) were fascinated with Polish language, literature, history, church, press and filmmaking. In Poland, in conditions of wider intellectual freedom, during the sixties were published works of “shestidesatniki” as well as writers removed from the official circulation in Soviet Russia (e.g. Boris Pasternak), or pushed down on the margin (Isaak Babel, Andrei Platonov). However, many prominent Polish artists, especially resisting regime, stayed on the Russian index. In our country the sixties were a period of outstanding achievements of experts and popularizers of Russian culture — poets and literary critics, translators, academic lecturers (Seweryn Pollak, Włodzimierz Słobodnik, Ziemowit Feddecki, Jerzy Pomianowski, Andrzej Drawicz, Rene Śliwowski, Ryszard Przybylski). The author of this article indicates that today’s interpreters of Polish and Russian „thaw generation” are prone to create myth, according to which Poland of the 1960s was a country that did not published in official circulation works censored on the territory of Russia — in reality some of them were published even against the intervention of Soviet embassy.